

Маша marmedeва Посохова

Диалоги в сказке «Морозко»: правила разговора и магия

СВЕТЛАНА БАРДИНА

Независимый исследователь, Москва,
Россия, neology@bk.ru.

Ключевые слова: Харви Сакс; смежные пары;
церемониалы; сказки.

Русские — да и не только русские — народные сказки часто бывают страшными и парадоксальными. Герои сказки «Морозко» особенно жестоки. Сначала отец не колеблясь отправляет родную дочь умирать в зимний лес по прихоти жены. А сам Морозко убивает

героиню сказки за то, что та ответила ему на прямой вопрос, что в зимнем лесу холодно. В этом тексте мы попытаемся с помощью теории Харви Сакса найти какую-то логику в происходящем и объяснить, почему в сказках нельзя говорить, что в холодном лесу холодно.

«МОРОЗКО» — жестокая сказка с довольно странной моралью. Мачеха отправляет героиню сказки в холодный зимний лес на верную смерть. Вскоре в лесу появляется волшебное существо Морозко и трижды спрашивает девушку, тепло ли ей. Она отвечает, что тепло, и получает вознаграждение. Потом в лес попадает ее сводная сестра, дочь старухи, и честно говорит в ответ на вопросы Морозко, что ей холодно, просит не студить так сильно — и тот замораживает ее до смерти. Что же — сказка учит тому, что нужно врать? И не просто врать, а говорить абсурдные вещи, например, что в зимнем лесу тепло? Может быть, Морозко было приятно, что от его стужи кому-то «тепло»? Но вряд ли «тепло» звучало как комплимент для волшебной силы, сама суть которой — морозить. В чем же дело? Попробуем разобраться в том, как разговаривали две девушки с Морозко, с помощью текста Харви Сакса «Лекции о разговоре». Попробуем понять на этом материале, в какой степени логика диалогов с волшебными силами отвечает общим правилам построения разговора.

Посмотрим на диалоги из сказки. Ниже — оба диалога Морозко (М) с дочерью старухи (Д) и падчерицей (П) из наиболее известной версии сказки, записанной Алексеем Толстым.

АТ Диалог 1

М: Тепло ли тебе, девица?

П: Тепло, Морозушко, тепло, батюшка.

М: Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

П: Морозушко, тепло, батюшка.

М: Ой, тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная? Тепло ли тебе, лапушка?

П: Ой, тепло, голубчик Морозушко!

АТ Диалог 2

М: Тепло ли тебе, девица?

Д: Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...

М: Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Д: Ой, руки, ноги отмерзли! Уйди, Морозко...

М: Тепло ли тебе, девица? Тепло ли тебе, красная?

Д: Ой, совсем застудил! Сгинь, пропади, проклятый Морозко!

В учебной литературе смысл сказки толкуется так: дочь старухи не была вежлива (после третьего вопроса она сказала: «Пропади, проклятый Морозко!») и поплатилась за свою грубость. Но, кажется, это объясняет далеко не все. Во-первых, выйти из себя в ответ на издевательский и три раза повторенный вопрос «Тепло ли тебе?» (который притом задает тот, кто в этот момент пытается заморозить тебя) — не такая уж вопиющая грубость, чтобы сочинять об этом сказку. Во-вторых, эта логика никак не проясняет главную странность сказки: почему парадоксальный ответ «Тепло» оказался подходящим, а искренний «Холодно» — нет.

Кое-что мы можем почерпнуть из исследований сказок. Владимир Пропп в «Исторических корнях волшебной сказки» пишет, что герои сказок часто используют некие «заклинательные формулы». Зная такие формулы, герой может безопасно вступить в контакт с волшебными силами и предметами. Например, в другой русской сказке Иван на вопрос Яги, зачем он пожаловал, вместо ответа требует поесть. Именно такой неожиданный ответ оказывается кодовой фразой, которая позволяет ему добиться благосклонности и помощи Яги. Может быть, ответы падчерицы тоже были не прямыми ответами на вопрос, а своего рода кодовыми словами, или заклинательными формулами, с помощью которых она и установила контакт с Морозко.

Но этого пока недостаточно. Мы должны разобраться, почему именно *эти ответы* были работающими заклинательными формулами. Любое использование заклинательных формул несет в себе смысл¹, это не случайный набор слов, которые почему-то оказались «правильными». Попробуем объяснить диалоги девушек с Морозко с помощью исследования разговора в социальной теории. В конечном счете даже сказочные диалоги с волшебными существами — это в первую очередь разговоры, а значит, они должны в какой-то мере следовать общей логике построения разговоров. Так что обратимся к книге Сакса «Лекции о разговоре». Несмотря на то что Сакс исследовал реальные со-

1. В примере выше про диалог с Ягой реплика тоже не была случайна: герой просит поесть, потому что трапеза в доме Яги позволяет перейти границу между мирами.

временные ему разговоры, а не сказочные, эта книга может быть полезна для нас. Сказка — и диалоги в ней — была записана относительно современными авторами, и реплики героев не могут не отражать общие коммуникативные закономерности.

Итак, вернемся к самим диалогам. Диалоги девушек с Морозко состоят из пар реплик, повторяющихся трижды. Реплики объединяются попарно: вопросы и ответы. Такие парные реплики исследуются в конверсационном анализе и называются «смежные пары» (*adjacency pairs*). Смежная пара — набор из двух высказываний, которые идут друг за другом последовательно и произносятся разными собеседниками: вопрос и ответ, приветствие и ответное приветствие, предложение и принятие предложения или отказ и т. д. Когда произносится первая реплика, другой собеседник произносит ответную реплику подходящего типа², то есть за вопросом следует ответ, за предложением — согласие или отказ. Диалоги в сказке полностью состоят из пар вопросов и ответов.

Какие правила есть у такого обмена репликами? Общее правило, которое формулирует Сакс, звучит так: «Тот, кто задает вопрос, имеет право заговорить снова после того, как другой закончил говорить»³. После того как человек задал вопрос и услышал ответ, он получает «право» задать следующий вопрос, и это открывает для него определенные возможности. Так ответ на вопрос позволяет продолжить беседу. Сакс иллюстрирует это анекдотом про старого еврея. Тот не отвечает на вопрос молодого попутчика в поезде «Который час?» и позже объясняет это так:

Видите ли, если бы я вам ответил, вы бы спросили, куда я еду. Оказалось бы, что мы едем в один и тот же город. Мне пришлось бы вас пригласить, а у меня дочь на выданье. Вы бы ее наверняка соблазнили, и вам пришлось бы на ней жениться. А зачем мне зять без часов?

Этот пример анекдотичен, однако простой ответ на простой вопрос действительно может запустить целую цепочку взаимных реплик и завести коммуникацию очень далеко.

2. Schegloff E. A., Sacks H. Opening up Closings // *Semiotica*. 1973. Vol. 8. № 4. P. 296.

3. Sacks H. Lectures on Conversation: In 2 vols / E. A. Schegloff, G. Jefferson (eds). Oxford; Cambridge: Blackwell, 1992. Vol. 1. P. 49.

При этом пока человек находится в позиции задающего вопроса, он контролирует разговор. Задавая новые вопросы, можно направлять ход беседы в ту сторону, в какую хочется. Это особенно хорошо заметно в длинных последовательностях вопросов и ответов (например, диалоги Сократа с собеседниками, в которых они, отвечая на наводящие вопросы, всегда приходили к «правильному» решению).

Посмотрим с этой точки зрения на диалоги Морозко и падчерицы. Морозко задает вопрос, получает ответ, переходит к следующему вопросу (почти дословно такому же) и совершенно естественным образом контролирует ход беседы. Но в диалоге с дочерью происходит нечто иное. В ответ на вопрос, холодно ли ей, она отвечает и сразу же добавляет просьбу: «Ой, студено! Не скрипи, не трещи, Морозко...». Теперь он уже не может так же легко и естественно продолжать задавать вопросы. Просьба «не скрипи, не трещи» — это первая реплика из последовательности «просьба — ответ на просьбу». Так что теперь — по правилам разговора — он должен еще отреагировать на просьбу согласием или отказом. Поэтому получается, что в этом диалоге ответы девушки отбирают у него коммуникативное «право» контролировать беседу.

Возможно, в этом и состояла первая ошибка дочери старухи. Вместо того чтобы ответить на вопрос и предоставить Морозко право направлять беседу дальше, она сопровождает каждый ответ просьбой. Тем самым его новые вопросы выбиваются из правил построения разговора. Если мы предположим, что по каким-то магическим причинам (чуть дальше мы выскажем предположение, что это могли быть за причины) Морозко должен задать вопрос именно трижды, то ему приходится продолжать спрашивать, нарушая этим базовые правила коммуникации. Вряд ли такое понравится даже волшебному существу. Итак, мы видим, в чем могла быть ошибка в разговоре второй девушки с Морозко. Но почему падчерица отвечает, что ей тепло? Почему она не могла ответить: «Холодно», а выбрала такой странный ответ, и он сработал как кодовая фраза?

И здесь нам нужно обратиться к еще одному типу высказываний — «церемониалам» (*ceremonials*). Выше мы обсуждали смежные пары, но не любая смежная пара — церемониал. Например, есть пары вопросов и ответов, но, помимо этого, есть церемониальные обмены репликами типа: «Как твои дела?» — «Хорошо». Если первый говорящий произносит реплику-церемониал, то второй также должен ответить церемониальным высказыва-

нием, а не рассказывать, как идут дела. Особенность церемониальных высказываний состоит в том, что они «никак не влияют на ход вещей»⁴. Например, человек может попробовать блюдо и без церемониального диалога «Не хотите ли попробовать?» — «Да, пожалуйста». Но церемониалы нужны, и они имеют свои функции. Одна из них — включение нового человека в общество. Взаимодействие начинается с таких реплик, а дальше при определенных обстоятельствах отношения могут перейти в другое качество.

Диалоги Морозко с падчерицей — это, вполне вероятно, не просто обмен вопросами и ответами, но именно обмен церемониалами. «Как дела?» — «Хорошо»; «Тепло ли тебе?» — «Да, тепло». С помощью таких несодержательных церемониальных реплик между девушкой и Морозко быстро устанавливается более прочная связь — так же, как это происходит во взаимодействии людей. Тогда становится понятно, зачем Морозко повторял один и тот же вопрос несколько раз: чтобы самым простым способом добиться достаточного количества парных реплик-церемониалов, после которого происходит установление более близкой связи. В человеческих сообществах тоже необходимо хотя бы несколько раз обменяться несодержательными репликами для чуть более близкого знакомства. В сказочном мире число реплик может быть равно трем. Недаром, обращаясь к девушке в третий раз, он называет ее «лапушка», что является знаком большей близости, чем просто «девица».

Выбирая ответ «Тепло», героиня не только позволяет собеседнику продолжить разговор, но и дает понять, что понимает церемониальный смысл диалога и полную бессмысленность произносимых реплик: их смысл не в содержании, а в том, что они позволяют поддержать церемониальную беседу. Любой другой ответ вывел бы разговор из разряда церемониальных в разряд содержательного обмена вопросами и ответами — как это и произошло с другой девушкой.

В другом диалоге все складывается иначе. Девушка отвечает, что ей «холодно», и у нее «руки, ноги отмерзли». Это ответ на вопрос, и поэтому на первый взгляд легитимная реплика, но это уже не церемониал. Искренний ответ, что в лесу холодно, похож на рассказ о своих бедствиях в ответ на вежливый вопрос «Как

4. Ibid. P. 18.

дела?». Конечно, иногда тот, кто спрашивает, как дела, действительно хочет услышать содержательный ответ. Но такое бывает обычно только при довольно близкой связи между говорящими. Если же человек рассказывает о своих бедах в ответ на вопрос «Как дела?» тем, кто не входит в его ближайшее окружение, правило обмена церемониалами оказывается нарушенным в одностороннем порядке. Более того, таким ответом человек вынуждает собеседников вовлекаться в ситуацию, как бы утверждая их связь как более тесную, чем она есть в действительности. Отвечая «Холодно», дочка претендует на то, что ее магический собеседник *уже* входит в ее ближайшее окружение, и она может поделиться с ним своей бедой.

Возможно, она прогневила волшебную силу именно этим: непониманием степени близости и неспособностью отличить церемониальный вопрос от обычного. А возможно, она и не прогневила Морозко, а всего лишь упустила возможность установить с ним более тесный контакт, быстро обменявшись несколькими церемониалами. И после этого он заморозил ее просто потому, что это его естественное действие по отношению ко всем «чужим» людям, оказавшимся в лесу.

Итак, получается, что ситуация встречи с волшебной силой в лесу — это довольно типичный случай установления связи. Нужно обменяться несколькими церемониальными репликами, лишенными содержания и не влияющими на ситуацию. После того как это продельвается трижды, между собеседниками магическим образом устанавливается более тесная связь — хотя похожая «магия» встречается и в повседневности, и в анекдотах. Поэтому героиням сказки нужно было продолжать разговор так, чтобы как можно быстрее и не отвлекаясь на какие бы то ни было посторонние темы (например, на просьбы) пройти обмен церемониями. В каком-то смысле дочь старухи действительно поплатилась за свою невежливую речь, хотя невежливым в ней было не оскорбление, а нежелание совершить обмен тремя церемониальными репликами.

Библиография

- Sacks H. Lectures on Conversation: In 2 vols / E. A. Schegloff, G. Jefferson (eds).
Oxford; Cambridge: Blackwell, 1992. Vol. 1.
- Schegloff E. A., Sacks H. Opening up Closings // *Semiotica*. 1973. Vol. 8. № 4.
P. 289–327.

DIALOGUES IN THE MOROZKO FAIRY TALE: RULES
OF CONVERSATION AND MAGIC

SVETLANA BARDINA. Independent Researcher, Moscow, Russia, neology@bk.ru.

Keywords: Harvey Sacks; adjacency pairs; ceremonials; fairy tales.

Russian — and not only Russian — folk tales are often scary and paradoxical. Characters of the *Morozko* fairy tale are particularly cruel. At the beginning of the story the father does not hesitate to send his own daughter to die in a winter forest at the whim of his wife. Then Morozko himself kills the heroine for her words that it is cold in the winter forest. In this text we will try to find some logic in the tale with the help of Harvey Sacks' theory. We will also try to explain why one cannot say that it is cold in a cold forest in fairy tales.

DOI: 10.17323/0869-5377-2024-4-6-14

References

- Sacks H. *Lectures on Conversation: In 2 vols* (eds. E. A. Schegloff, G. Jefferson), Oxford, Cambridge, Blackwell, 1992, vol. 1.
- Schegloff E. A., Sacks H. Opening up Closings. *Semiotica*, 1973, vol. 8, no. 4, pp. 289–327.